

Гастрольное лето

ТЕАТРАЛЬНЫЕ
НАХОДКИ И ПОТЕРИ

В нашем городе — гастроль Ленинградского Малого драматического театра, вызывающая интерес горьковчан. Необычен репертуар, со многими пьесами горьковские зрители встречаются впервые. Привлекают темперамент, увлеченность в актерской работе — в театре много молодых исполнителей; спектакли говорят о главных проблемах бытовых и нравственных проблемах, а это всегда основа успеха.

Эти заметки — первые впечатления, на обобщения не претендую. Вряд ли можно сразу разглядеть творческое своеобразие театра: произошло еще слишком долгое и «черновое» знакомство. И все-таки... Можно попробовать, с позиций зрителя, преломить себе некоторые сильные и слабые стороны спектаклей наших гостей — на первый взгляд...

Самый привлекательный спектакль из тех, что мы успели увидеть, — это, пожалуй, «Инцидент». Режиссер Е. Павлов поставил американский киносценарий «Случай в метро» Никласа Баара (фильм Ларри Ширса, сделанный на этой литературной основе, в советском прокате не появлялся). Тема знакомая — мир мещанства, что свет насилью и страх и сам ему сдается без сопротивления.

Два молодых совершают убийство просто так, походу для удовольствия, а затем предпринимает ночную «универсальную прогулку» на метро, терроризируя весь вагон, всеобщим издевательством над пассажирами. Случай или случай, «случай» — случайный или запланированный образ жизни? Не дело ли в обналичении убийства, а в этой приватной реакции покорности, страха или осуждения равнодушных, с такой обаятельностью встречает это похищение на эту часть и безопасность.

Тут возникает мир, утратами духовные ценности, внутреннее опустошение, готовый принять любые формы застоя и смерти. Визуальная неясность и смутность, восторженная любовь — не любовь, а блуд и насилие, мелкие расчеты, мелкие сиюминутные выгоды... Бандиты и их жертвы — одного поля ягоды, этические переходы здесь закономерны и неизбежны.

Режиссер правильно уловил несомненное театральное начало сценария и поставил его смело, без скидок и уловок. В содружестве с художником И. Иваненком, который нарисовал вполне реалистический и в то же время символический — обобщенный образ американской «полемки», постановщик строит пластически выразительные мизансцены, умело нагнетает густую, давящую атмосферу спектакля. Некоторые зрители осуждают жестокость изображения, мне же это зрелище представляется весьма полезным для любителей всеобщих иллюзий по поводу мира по ту сторону рубежа. Горькое лекарство излечивает радиально.

В сценарии только один человек осмелился вмешаться — молодой солдат со сложенной рукой. В спектакле затуманено, что он солдат. Просто — есть же в мире люди с чувством долга и совести, мужичья, наконец, — и вот один из них... Но фильм, в полном соответствии с замыслом спектакля — без иллюзий: каменное равнодушное полисмен пишет протокол, спасенные разбежались, лад крысы, герой тяжело ранен (и судьба его неясна), а все идет, согласно правилам «безумного мира».

Спектакль хорошо сложен, но актерские возможности далеко не равноценны. Выделяются выразительностью и точностью средств молодые актеры — исполнители ролей бандитов М. Савоха (Джо Ферроне) и А. Коваленко (Арти Коннорс).

Другой спектакль на «западную тему» — «Вкус меда» (по пьесе Джеймса Дилана, режиссер Г. Яновская). Большой международный успех имел «вранизация» этого произведения, сделанная известным английским кинорежиссером Токи Ритардом. Пьеса вполне реалистическая, грустная и человечная, с неопределенными обещаниями в финале. Надежда эта — не из обстоятельств бытия героев, а из социального оптимизма художника.

Проститутка Элен таскает за

собой по трущобам уже взрослую дочь, рожденную от случайной связи. Девушка — милая, ослепленная, несчастная юннат мечтает о любви, ждет ребенка от понравившегося ей молодого человека, которого надеждой к своим воображением подменяет, идеальным маневром. Светлый луч в жизни Джо — дружба с таким же неприкаянным, как она студентом Джефом, человеком слабым, но добрым и честным. Мать то бродит дочь в поисках счастья, то вновь возвращается и ней после неудачи. Вернувшись в очередной раз, она изгоняет Джефа. Джо снова ридит, ребенок будет черным — будущая мать... Ну, а вдруг что-то изменится, расщепится в этом мире, или не на это призрак «забуду»?

В этом спектакле у ленинградцев меньше определений и точности суждений. Постановочный план как бы разорван пополам — натурализм в изображении повседневности плохо сочетается с «идеальным, приукрашенным романтизмом» мечтаний Джо (тут множество странных материализованных символов). Очень выразительное, образное условное оформление работы художника Э. Кочергина усиливает это впечатление: в нем обтекаются кресты — символ страдания, вечные муки, гробовые веночки из искусственных цветов, руины и «заплаты» как бы расстрелянных стен. Впечатление сильное, но то ли, какое нужно в этом спектакле?

Двойственность решения сказалась на всех компонентах спектакля и на актерских работах: основные персонажи излились, болезненно нервны, истеричны, почти патологичны. Но, если страдающие люди ненормальны, помоги им невозможность. Прогноз безнадежен. В английском полнметраже все проще, трезвее, естественнее. Кажется, что в театре ясно «переизлучили» с этой пьесой.

«Вещно живые» В. Розова в рекомендациях не нуждаются, хотя до сих пор не включаются (и неоднократно) в режиссерский против спорного авторского решения жалкой темы. Как бы то ни было, нравственная проблематика пьесы может послужить источником значительных художественных решений. Этическая неопределенность спектакля ленинградцев (режиссер Е. Павлов) сомнений не вызывает: она представляется бесспорно верной. Однако характер изображения действительности на сцене нередко противоречит этому замыслу.

Прежде всего — среда, поколения 30-х годов не узнаются сразу современниками тех лет. Много придуманного. Герой слишком нервный, своеобразный, не уверенный в себе. Особенно это скажется в характере старшего Бороздина (арт. Е. Меркурьев) — какая-то странная напруга, малое чувство собственного достоинства, сдержанности, наконец, — простоты. Нет определенности, стержня в характере Бориса (арт. А. Колбасов), ношветен и не слишком доверен Марк (арт. А. Коваленко). Вероника в трактовке Г. Яновской настолько капризна, инфантильна и беспомощна, что ее чувствам не доверять и находить еще меньше, чем в пьесе, оправданий не представляется.

Но дело, разумеется, не просто в трактовке характера. Превеличественность экспрессивного начала утомляет, делает исполнение одностой-

ным, стирает индивидуальности персонажей. Решение пантомимы вместе с оформлением художника И. Иванова еще дальше отводит от реальности военной эпохи: тут вообще возникают призраки стивисоновских бродяг и пиратов или привидения в замке, как в известном немом фильме. Это отталкивает от сути нравственного конфликта. Пьеса В. Высоцкого основательно расходится по стилю с идеальным смыслом пьесы Розова: некетливое, заимное мужество, в духе дешевой кинематографии, — вместо простого и сурового чувства долга и искреннего героического порыва. Ощущение связи наших современников с живыми и мертвыми воинами Великой Отечественной в действенности во много раз глубже и естественнее, чем это получилось на сцене.

Пьеса молодого ленинградского драматурга А. Кутерникова «Инци» поставлена Е. Павлов на сей раз в подчёркнуто бытовом плане, не этого потребовала тема: одиночество тонкой девичьей души в среде примитивных потребителей материальных благ, мелких эгоистов и мещан, для которых новый телевизор, модная заплата, вывешенная из заграничного плаванья, и прочий зазор способны заслонить весь мир. Здесь вещи — символы такого миропонимания, и их в спектакле очень много. Героиня спектакля Нику (ее очень тепло и с чувством играет Нина Семенова, знакомая горьковчанам молодая актриса) все тянет и окну — вытаскивать из этого душного мира, но небо в окошке наполовину заслоняют острые, какие-то безжалостные ребра крыши соседних домов. В ранней юности такое одиночество опасно для подвудетской души. Нужны понимание, поддержка — и хотя бы пошлость не оскорбляет...

От щедрости своей поэтической души Нина надевает танки на высиженные своими руками изуродованного Вальдеса и разочарование неизбежно. Автор наблюдателен, создает живые характеры. Может быть, в них маловато сложности, они почти идеальны, но эстетически они очень легко воспринимаются. Отец Нику (отличная роль и не без трагизма) работа В. Сысоева — агрессивный самодур и мелкий домашний тиран, причем ее самым лучшим намерением... брат — слепой парализованный, страстный слепец, добрый и непонятный размышляет, а от этого инстинктивный (очень интересная работа способного актера М. Самохина), мать — сестра-близнец, но безличная (актриса Г. Филимонова). Разрушение иллюзий приводит Нику к отчаянию, похищение на самоубийство кажется чуть ли не закономерным, хотя, конечно, приходится и выходы, что автора уловила формальная логика сюжета, и для Нику эта просто «страшная минута», каких немало в жизни любого подростка. В пьесе много тайн с виду «надрывных», но существу же никаких.

В постановке Е. Павлов много из таких преувеличений успешно преодолевается. Прозрачным именем в финале выразена надежда — вот в этом тупике силуэта героини на фоне оконной рамы, в полете света над крышами... Вот и брат оказался способным на проявление родственной любви, самоотверженной и нежной... Настроение меняется. Честно! Обскурация юности берет свое.

Наверное, нельзя сказать, что неискренности драматурга в этом спектакле являются предостережением, но режиссером, который умеет находить поэтическое начало в будничном, сделана много.

Театр ищущий, находящийся в непрерывных радужных, сомнениях... Такая беспокойная среда всегда выгодна для творчества. В то же время есть опасность упасть в гиперболичность, утратить ощущение меры экспрессивности. В разных планах эти реальные противоречия художественной деятельности Ленинградского Малого театра сказались в промеротреных горьковчаных спектаклях. Но подольше эти эти первоначальным впечатлениям еще рано...

А. АЛЕКСИЧЕВА